

ПРОГУЛКА С ШАЛЯПИНЫМ: К «АМЕРИКАНСКОЙ БИОГРАФИИ» А. ВЕТЛУГИНА¹

Ирина Белобровцева
(Таллинн)

Андрей Устинов
(Сан-Франциско)

I heard the rain impinge upon the earth...

James Joyce

Pass the parcel.

That's sometimes all you can do.

Take it, feel it and pass it on.

Alan Bennett

Публикуемый ниже очерк принадлежит одному из самых успешных литераторов «первой волны» русской эмиграции Владимиру Ильичу Рындзюну (1897–1953), автору книг «Авантюристы гражданской войны» (1921), «Герои и воображаемые портреты» (1922), Третья Россия (1922), «Последыши» (1922), «Записки мерзавца» (1922), написанных под псевдонимом *А. Ветлугин*. Их автор был притчей во языцех у соотечественников в Париже и Берлине. Не вдаваясь здесь в подробности его биографии «русского» периода, мы будем говорить о более чем тридцати годах его жизни в Североамериканских Соединенных Штатах, начавшейся 1 октября 1922 года, когда Ветлугин ступил на американскую землю с борта лайнера «Париж» (*S. S. Paris*) вместе с Айседорой Дункан и Сергеем Есениным. Внезапному и стремительному повороту судьбы, он, по утверждению некоторых мемуаристов, был в первую очередь обязан именно Дункан.

---

¹ Авторы статьи сердечно благодарят Леонида Суриса (Нью-Йорк) за помощь в публикации очерка.

Ровно за девять месяцев до своего трансатлантического вояжа А. Ветлугин напечатал в парижской газете Владимира Бурцева «Общее дело» статью «На сквозняке»² – развернутый парафраз шекспировского афоризма «Чума на оба ваши дома!»³: «Скверно живем. На встрече двух ветров. <...> Один – советский – обольщающий душный Самум, другой – мракобесный, назойливый, гудящий ветер с кладбищ. Какой лучше? Какой легче? Оба хуже. <...> 1922-й – ответственный, жуткий год!» (Ветлугин 1922: 3)⁴.

² См.: Ветлугин А. На сквозняке. – Общее Дело. La cause commune. Париж. 1922. № 525. 1 января. С. 3.

³ “A plague o’ both your houses!” в переводе Аполлона Григорьева (1864).

⁴ Тем не менее, А. Ветлугин соглашается участвовать в праздничном вечере 31 декабря (н. ст.), видимо, исключительно потому, что местом его проведения выбрана бывшая студия Айседоры Дункан (103, rue de la Pompe):

Последняя встреча Нового Года за границей!

ПРОГРАММА БУДЕТ ТАКАЯ:

Устроители – оптимисты!
 Гости – пессимисты!
 Метр д’отель – за соглашательство!
 К концу вечера все сговорятся!

Развлечения самые неожиданные: ни одного из обещанных и все экспромтом: «Новогодняя Газета», под редакцией А. И. Куприна и при участии Н. А. Тэффи, А. А. Яблоновского, Дон-Аминадо, А. Ветлугина, М. П. Миронова и др. (в исполнении авторов). <...> (Общее Дело. La cause commune. Париж. 1921. № 524. 24 декабря. С. 3).

Ср. на той же полосе в разделе «Новости искусства и литературы» сообщение «Вечер оптимистов»: «31 декабря в “зале Бетховен” (“студия Айседоры Дункан”) группой оптимистов устраивается встреча Нового года по несколько необычной даже для Парижа программе. Это не будет концерт, лекция, еще менее митинг. Вольная эстрада среди столиков, ужин экспромптов <sic!> и экспромпты после ужина, звезды Аи и звезды всё выживающего русского юмора. В начале ужина новогодняя газета под редакцией А. И. Куприна при ближайшем участии А. А. Яблоновского, Н. А. Тэффи, А. Ветлугина, Дон-Аминадо, М. П. Миронова и др. Затем присутствующим будет предложена неофициальная часть: каждый сможет проявлять свои таланты при условии, если он сумеет перекричать жаз-банд <sic!>. Тут же появятся в свете волшебные гроты, где будут показаны фокусы не-фокусниками, но просвещенными любителями и т. д. Финал – танцы. Большинство столиков уже расписано. На оставшиеся запись принимается в зале Бетховен. (103, rue de la Pompe)» (Там же).

Критики и мемуаристы демонизировали его начиная с внешности и кончая закреплением за ним того образа, которым он воспользовался в названии своего единственного романа «Записки мерзавца». Немало сделал для этого Алексей Толстой, резко поменявший свое приятельское расположение к А. Ветлугину после того, как имена эмигрантов становятся в советской России неупоминаемыми. В 1931 году Толстой публикует в «Новом мире», который постепенно набирает вес среди других советских «толстых журналов», роман «Черное золото», где выбирает А. Ветлугина в качестве прототипа одного из самых ярких и отталкивающих персонажей – В. Лисовского.⁵ Впоследствии он дал своему роману горящее заглавие – «Эмигранты».

Илл. 1. Владимир Гринберг.
Слава (Владимир?) Рындзюн (1917)

Этому В. Лисовскому «...было наплевать на белых и на красных, на политику, журналистику, на Россию и всю Европу. Всё это он равнодушно презирал как обнищавшие задворки единственного хозяина мира – Америки» (Толстой 1958, 4: 288). Он копит доллары, чтобы уехать в эту обетованную землю любыми способами, такими, как «спекуляции с валютой и товарами на юге России, осторожная биржевая игра, мелкие комиссии» (Толстой 1931, 4: 68) и готов биться об заклад: «У меня будет собственная вилла в Голливуде, хотите пари, сволочи, хотите пари?...» (Толстой 1931, 4: 71).

Можно с уверенностью сказать, что рано повзрослевший и сразу же состоявшийся как писатель А. Ветлугин прежде других понял категорическую бесперспективность работы в привычном для него жанре публицистики в эмиграции. При этом он отнюдь не стал сторонником репатриации, а скорее, напротив, увлекся «американской мечтой». «Я живу одиноко, ни на какую родину не

⁵ См. подробнее: Белобровцева 2002: s. p.

поеду, – сообщал А. Ветлугин Дон-Аминадо, своему коллеге сначала по московской газете анархистов «Жизнь», а после – по «Общему Делу», в феврале 1922 года, – а если куда и поеду, то на родину Генри Форда, в Америку» (Дон-Аминадо 1994: 668).

Первые годы его «американской биографии» отданы продолжению журналистской деятельности в эмигрантской печати. «С начала 1923 г. почерк А. Ветлугина начинает чувствоваться в кое-каких материалах “Русского голоса”, – констатирует Е. Толстая (Толстая 2006: 527). Лето того же года он проводит в Берлине с тем, чтобы продлить американскую визу, одновременно при этом выполняя поручения редакции «Русского голоса». Устроив все дела, и ненадолго заехав в Париж, где А. Ветлугин «встретил Мирского и получил твое письмо», – как он написал Сергею Есенину «в океане, 6 октября 1923 г.», сделав необходимую оговорку: «Очень хочу считать его искренним. <...> И раньше, когда всё гремело и кипело, – нам нечего было с тобой делить. А теперь, когда “в моей душе, как в океане” и т. д., и говорить нечего» (цит. по: Устинов 2016: 232–233), – он навсегда распрощался с Европой.

Задним числом, в 1935 году, решив получить гражданство США по натурализации, А. Ветлугин заполнил “Certificate of Arrival”, где сообщил, что он, Voldemar Ryndzune, прибыл в U. S. 15 октября 1923 года (по-видимому, целью было избежать любых ассоциаций с неудавшимся американским визитом Есенина и Дункан) на пароходе S. S. President Fillmore. Своим последним местом жительства он называет Париж. К моменту заполнения этого формуляра А. Ветлугин уже обрел место в американской журналистике и даже вошел в ее историю как создатель актуального до сих пор концепта «кавер-гёрл» (cover girl) – фотографии барышни на обложке⁶.

В какой-то подходящий момент, или как это назвали бы в Америке, an opportune moment – увы, пока сведений, чтобы заменить местоимение «какой-то» точной хронологической точкой отсчета явно недостаточно, – указавший в сертификате о прибытии свое имя как Voldemar Ryndzune Vetlugin, он навсегда покинул

---

⁶ См. об этом: Устинов 2016: 235.

русскую словесность, но, несмотря на кардинальную смену языка высказывания, писать при этом не бросил.

Головокружительная американская карьера А. Ветлугина, теперь известного как *Voldemar Vetluguin* продолжилась в Голливуде, на студии Metro-Goldwyn-Mayer (MGM), где с 1943 года он стал заведовать отделом, аналогов которому не было в российском кинематографе – Story Department, то есть Отдел сюжетов. На рубеже 1940–1950-х гг. он выступил как продюсер двух полнометражных картин, в разработке находился и третий фильм, но тут Vetluguin неожиданно уходит из кинематографа – по нашему предположению, в связи с деятельностью комиссии Маккарти – и снова подвизается в журналистике до внезапной смерти 15 мая 1953 года⁷.

И все же уход А. Ветлугина из русской словесности не означал окончательного отторжения им русской культуры, как показывает незамеченный очерк “Only Five Short Blocks”, написанный им для журнала “Reader’s Digest”. Этот рассказ о нью-йоркской прогулке с Федором Шаляпиным читается не просто как частный случай из жизни журналиста «Фредерика Ван Рина» – *nom de plume* автора, который, впрочем, здесь же и раскрывает этот псевдоним. Очерк «Всего-то пять кварталов» легко поддается преобразованию в case study, или «протокол жизни», если воспользоваться термином, предложенным социологом А. Алексеевым (см.: Алексеев 2013: 365). Перед читателем предстает – здесь в пору позаимствовать определение из другого вида искусства – «хорошо темперированный», то есть сбалансированный, учитывающий многомерность параметров, нарратив.

Попытаемся проанализировать разные аспекты предложенной А. Ветлугиным модели мемуара. Прежде всего, отметим значимость рассказанного для автора – речь идет о «реперном» событии, повлиявшем на его последующую жизнь. Укажем на темпоральную протяженность рассказа, отложенного во времени: в 1941 году написан очерк, действие которого происходит в начале

---

⁷ См.: Устинов 2016: 235–237.

1920-х, однако психотерапевтический эффект от полученного автором житейского опыта, возникнув сразу после события, продолжается многие годы спустя, вплоть до самого момента письма. Один из аспектов этого рассказа непосредственно связан с историко-культурным значением встречи молодого русского эмигранта, ничтожность которого поддержана в первой же фразе определениями «бедный», «голодный» и «безработный» – резко контрастными на фоне удачливого Нью-Йорка, – и всемирно известного, так же русского, певца Ф. И. Шаляпина.

Благодаря английскому языку одной из важнейших составляющих очерка становится такой аспект предлагаемой модели как «адресная группа». Англоязычный читатель, не знающий «русского» А. Ветлугина – в 1941 году он занимает место заместителя главного редактора «глянцевого» женского журнала “Red Book”, выступая и в списке сотрудников, и в качестве автора под тем же псевдонимом *Frederick Van Ryn* (или *Frederick Van Ryne*)⁸, – воспримет описание встречи, прежде всего, как эпизод из биографии великого и парадоксального Feodor Chaliapine. В то же время кодировка встречи в рамках хрестоматийной концепции «учитель – ученик» работает на укрупнение фигуры рассказчика как приверженца великого артиста, придает дополнительный вес повествованию, поскольку А. Ветлугин выступает не как случайный спутник Шаляпина, а именно как последователь наставника, им самим же намеренно «избранный».

Аналог подобного обращения к знаменитости с подчеркиванием близкого знакомства можно найти в одном из последних его журналистских материалов “Carl Sandburg Speaking: ‘I See Great Days Ahead’”, опубликованном под тем же nom de plume Frederick van Ryn за полтора месяца до смерти А. Ветлугина в еженедельнике “This Week”, воскресном приложении к одновременно 37 газетам.

В примечании к публикации интервьюер характеризуется как «старый друг» легендарного американского поэта и романиста, трижды лауреата Пулитцеровской премии Карла Сэндберга, с

---

⁸ См.: Устинов 2016: 235.

которым он знаком на протяжении 20 лет⁹. Выражение «старый друг», заключенное в кавычки, позаимствовано из преамбулы: “Few weeks ago, while on a short visit to New York, Sandburg went for a long walk with an old friend” (Van Ryn 1953, 1: 7, 16) и принадлежит самому поэту. Как и в случае с Шаляпиным, журналист берет интервью у поэта во время *прогулки*, и вновь отблеск славы Сэндберга падает на Frederick van Ryn. Полифункциональность этих «прогулок» А. Ветлугина органично отражает «пересечение *отдельной* биографии и истории общества», если воспользоваться определением Чарльза Миллза.

Итак, вот этот очерк А. Ветлугина в нашем переводе с английского:

Всего-то пять кварталов

Фредерик Ван Рин¹⁰

Мне было 25, я был беден и голоден. Я бывал беден и голоден и прежде, в Константинополе, Париже, Риме, но быть безработным в Нью-Йорке, где сам воздух пропитан успехом и удачливостью, – особенно унижительно.

Не знаю, что я собирался делать; не очень-то много я мог сделать. Я думал, что могу писать, но не знал, как писать на английском. Я целыми днями ходил пешком, не с целью потренироваться, но чтобы не пересекаться со своей квартирной хозяйкой.

Однажды на 42-й улице я наткнулся на огромного блондина. Я сразу узнал его – Федор Шаляпин, великий русский певец. Мальчишкой я часами простаивал в очереди, чтобы получить место на галерке в Московской Императорской опере на какой-

⁹ О работе А. Ветлугина с Сэндбергом над его книгой “Remembrance Rock” (New York: Harcourt, Brace, 1948) см. биографию поэта: Niven 1991 (по именному указателю).

¹⁰ «Фредерик Ван Рин – псевдоним Вольдемара Ветлугина, заместителя редактора журнала *Redbook*, это плодовитый автор историй с продолжением, рассказов и журнальных статей. Он сотрудничал с покойным Великим князем Александром Михайловичем <(1866–1933)> в работе над бестселлерами “Однажды Великий князь” и “Всегда Великий князь” <обе: New York: Farrar & Rinehart, Inc., 1933 – И. Б., А. У.>».

нибудь из его спектаклей. Позже, работая в парижской газете, я сделал с ним интервью. Я не предполагал, что он помнит меня, но он помнил.

«Очень заняты»? – спросил он. Я пробормотал что-то невнятное. Он, похоже, угадал мое состояние. «Давайте пройдемся до моего отеля на углу 103-ей и Бродвея», – сказал он. Пройдемся! Был полдень, и я прохаживался уже добрых пять часов.

«Однако, господин Шаляпин, это же 60 кварталов отсюда...»

Он оборвал меня: «Не сходите с ума – это всего-то пять кварталов».

«Пять кварталов»? – ахнул я.

«Да, – сказал он, – не до моего отеля, а до тира на 6-й Авеню».

В этом не было никакого смысла, но я покорно поплелся за ним. Вскоре мы остановились перед тиром. Мы смотрели, как пара матросов раз за разом стреляет в молоко, потом продолжили наш путь.

«Теперь, – объявил Шаляпин, – осталось всего 11 кварталов».

Я только покачал головой. Вскоре мы дошли до Карнеги-Холла. Шаляпин сказал, что ему нравится изучать лица тех, кто покупает билеты на утренник в Филармонию. Через несколько минут мы отправились дальше.

«А теперь, – радостно сказал Шаляпин, – мы всего в восьми кварталах от Центрального зоопарка. Там есть горилла, похожая на моего знакомого тенора».

Мы засвидетельствовали свое почтение горилле. Примерно через дюжину кварталов, снова на Бродвее, мы стояли перед магазином деликатесов. В витрине был выставлен бочонок маринованных огурцов с укропом. Врач Шаляпина не позволял ему есть маринованные огурцы, поэтому он просто смотрел. «Прекрасное зрелище! – воскликнул он. – Напоминает о моей юности».

К этому времени я должен был быть полумертвым, но, к собственному изумлению, чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последние дни. Когда, наконец, мы дошли до шаляпинского отеля (после того, как останавливались полюбоваться обилием фруктов на рынке на 90-й улице и свежеекрашенной станцией метро на 96-й), Шаляпин удовлетворенно засмеялся. «Это было

не так уж долго, да? Теперь давайте пообедаем». После сытного обеда мой хозяин поведал, почему заставил меня пройти эти 60 кварталов. «Вы никогда не забудете эту прогулку, – серьезно объяснял этот великий человек. – Это был урок искусства жить. Никогда не беспокойтесь о расстоянии между вами и вашей целью. Всегда концентрируйтесь на том, что находится всего-то в пяти кварталах от вас. Не позволяйте далекому будущему досажать вам. Всегда думайте о радостях, которые ждут вас в ближайшие 24 часа, какими бы малыми они ни были».

Прошло 19 лет. Шаляпин ушел из жизни, как ушло и большинство ориентиров, находившихся на том памятном пути. Но все эти годы меня не раз выручала практическая философия Шаляпина.

Так, она помогла мне, когда я задался целью овладеть английским. Я никогда не говорил себе: «Пройдут годы, прежде чем я смогу писать на этом чужом языке». Вместо этого я говорил: «Сегодня в редакционной статье *New York Times* я не знал 28 слов. К завтрашнему дню их будет не больше 20».

Она поддержала меня, когда из-за ошибки моих деловых партнеров мне пришлось уступить кредиторам половину всего, что я предполагал заработать в следующие четыре года¹¹. Скажи я себе, что на протяжении 208 недель буду лишен всех удобств, вполне вероятно, я потерял бы мужество и не заработал ни цента. А я просто сказал: «По понедельникам, средам и пятницам я буду работать на кредиторов, а в остальные дни на себя». Почему-то это сработало. И кредиторы получили свое, и я добился того, что смог позволить себе некоторые удобства.

---

¹¹ Этот эпизод своей «американской» жизни Ветлугин, очевидно, рассказал А. Толстому. Последний ввел в рассказ «Золотой мираж», напечатанный в 1924 г. в составе сборника «Черная пятница», персонажа, в прототипе которого можно усмотреть А. Ветлугина (см.: Толстая 2006: 528). В момент финансового краха герой рассказа действует крайне эмоционально, вплоть до оскорбления действием своего коварного советника: «18 июля, в 2 часа и 7 минут пополудни, я в кровь разбил ему кислую рожу у подъезда гостиницы, из которой уходил навсегда, оставив в номере чемоданы» (Толстой 1958, 3: 390).

Из этого правила – «всего-то пять кварталов» – выгоду может извлечь любой¹². Пускай для достижения вашей цели может потребоваться много времени, всего пять небольших кварталов отделяют вас до вашего аналога шаляпинского тира на 6-й Авеню – и похожими легкими ступенями вы не только доберетесь до места назначения, но по пути получите удовольствие от многих интересных вещей (Van Ryn 1941: 65–67).

Не последнюю роль в очерке А. Ветлугина играет маршрут его прогулки с Шаляпиным и, в равной мере, собственно время его действия – 1922 год.

Сначала автор сообщает свой возраст – 25 лет (Рындзюн родился 24 февраля 1897 года), – а в конце публикуемого на исходе 1941 года очерка пишет: «Прошло 19 лет» (Van Ryn 1941: 66). Поскольку он явно осознанно не называет ни месяца, ни даже времени года, то здесь на помощь приходит хроника «трудов и дней» Шаляпина. В Нью-Йорк он прибыл 1 ноября 1922 года; 5 ноября дал концерт в названном А. Ветлугиным Карнеги-Холле; 15, 18, 20, 24 ноября пел в «Метрополитен-Опера»; в промежутке, 22 ноября, записывал граммофонные пластинки. После небольшого перерыва Шаляпин выступил еще 2 и 13 декабря, а неделю спустя отправился в большое турне по Америке и возвратился в Нью-Йорк уже в марте (после 9-го) 1923 года (см.: Летопись 1984: 176, 179, 180). Получается, что их встреча могла случиться в любой из дней между 2 ноября и 19 декабря 1922 года.

Что касается маршрута этой незабываемой для А. Ветлугина прогулки по Манхэттену, то, обратив внимание на *tempora mutantur*, он не без сожаления констатирует, что «и большинства ориентиров, находившихся на том памятном пути» (Van Ryn 1941: 66), уже не найти. Тем не менее, его приверженность к деталям наметила «маркеры» этого шаляпинского маршрута, и, если следовать главным «локусам», то они сохранились до наших дней. Это, конечно же, вызывает еще большее доверие и к маршруту, и к авторскому

---

¹² Показательно, что очерк напечатан в рубрике “Profit by my experience” («Извлекайте выгоду из моего опыта»), название которой коррелирует с этой авторской сентенцией.

повествованию, прямо с точки их нечаянной встречи на 42-й улице.

Ориентир № 1 – 42-я улица (42nd Street) – одна из самых оживленных деловых улиц Манхэттена – задолго до очерка «Всего-то пять кварталов» фигурировала в статье А. Ветлугина «Любимец Бродвея» в нью-йоркской газете «Русский голос» (выпуск от 18 декабря 1925 года), рассказавшей о литературном успехе драматурга Генри Гопвуда, «приспосабливающего фарсы для Бродвея: “Черную работу перевода исполняли очкастые барышни с безнадежными профилями, молодые люди в лоснящихся пиджаках... Голливуд накладывал глянец. Французскую клубничку переводил на язык, волнующий самцов 42<-й> улицы”» (цит. по: Толстая 2006: 538). Этот променад эклектичен своей бытовой архитектурой, поэтому, кроме торгово-деловой части, был так же отведен для культурных учреждений. Здесь располагаются Нью-Йоркская Публичная библиотека (New York Public Library, открытая в 1911 году), железнодорожный вокзал Гранд-Сентрал (открыт в 1913 году) и проч. Еще до Второй мировой войны 42-я улица прославилась как театральный и развлекательный район.

Знаменитая кинокартина Л. Бэкона и Б. Беркли “42nd Street” (1933) изобразила колоритную смесь благопристойных бродвейских жителей и подонков времен Великой депрессии. В 1980 году сценарий фильма лег в основу невероятно успешного мюзикла, заглавная песня которого приводила набор обитателей 42-й улицы:

Миленькие штучки из пятидесятых,
сладки так, что жуть.

Дамочки горячие из восьмидесятых
скромности ничуть,

Вот они стоят бок о бок,
как надежный щит.

И преступный мир здесь может
встретить мир элит.

Вот такая

озорная,
непристойная,
крутая,
Форти-секонд стрит!¹³

Ориентир № 2 – тир на 6-й Авеню безвозвратно утрачен.

Ориентир № 3 – концертный зал Карнеги-Холл, открытый в 1891 году на углу 7-й Авеню и 57-й улицы, существует по сей день.

Ориентир № 4 – не «Центральный зоопарк», как в очерке, а Зоопарк в Центральном парке Нью-Йорка на углу 5-й Авеню и 59-й улицы во многом изменил облик, но до наших дней сохранил свое предназначение.

Ориентир № 5 – магазин деликатесов в этой части Бродвея, возможно, отсылает к мясному рынку, который был открыт в 1920 году Лукасом Брассом (вспомним Луку Брази в романе Марио Пьюзо «Крестный отец») в здании Аркады (Arcade), находившемся между 65-й и 66-й улицами Манхэттена и снесенном в 1960 году. Рынок быстро перерос в магазин деликатесов, работающий до сих пор (см.: Johnson 1916; ср.: www.arcademarketplace.net).

Ориентир № 6 – одна из фруктовых лавок близ 90-й улицы, которых в этой части Манхэттена было великое множество.

Ориентир № 7 – свежеекрашенная станция метро на 96-й улице. Она была задумана еще в 1919 году как часть значительной экспансии радиуса действия нью-йоркского «сабвея», по слову Давида Бурлюка. Однако, вследствие наступившей вскоре Великой депрессии эта линия метро так и не открылась.

---

¹³ Перевод Андрея Устинова. Ср. оригинал:

Little nifties from the Fifties,
Innocent and sweet,
Sexy ladies from the Eighties
Who are indiscreet,
They're side by side,
They're glorified,
Where the underworld can meet
The elite.
Naughty, gawdy, bawdy, sporty,
Forty-second Street!

Илл. 3. Гостиница «Марсель»

Ориентир № 8 – отель на углу 103-й улицы и Бродвея, в котором жил Шаляпин, угадывается достаточно легко. Речь идет о гостинице «Марсель» (“Marseilles”), которая была построена по проекту Х. А. Джейкобса (1872–1932) в 1902–1905-м.

Она предназначалась для постояльцев из «верхушки среднего

класса» и прекрасно сохранилась до наших дней, превратившись в роскошное многоквартирное жилое здание¹⁴. Путеводители 1920-х годов описывали особые удобства здания: ресторан в подвальном этаже, отдельное помещение для гриля (grill-room), освещаемую бильярдную, кафе, традиционную цирюльню (barbershop) и наилучшим образом оборудованные кухни и столовые комнаты. Еще одна деталь, на первый взгляд не имеющая прямого отношения к очерку и все же добавляющая ему известной горечи утрат: недалеко от отеля «Марсель» на треугольнике Бродвей – Вест Энд Авеню – 106-я улица в Штраус Парке в 1913 году был открыт мемориал памяти жертв «Титаника».

Именно по этим «маркерам», ведущим сначала на запад, а потом на север Манхэттена – почти, как у Альфреда Хичкока, “North by Northwest”, – можно проследить маршрут прогулки с Шаляпиным по Манхэттену. Однако главное здесь не забыть, когда именно в печати появился травелог А. Ветлугина. Его очерк «Всего-то пять кварталов» был напечатан в выпуске “Reader’s Digest” в декабре 1941 года. В таком обращении к русской теме и как раз в это время отчетливо виден оммаж культуре страны, ввергнутой в страдания и разрушения.

¹⁴ См.: <http://daytoninmanhattan.blogspot.com/2017/03/the-1905-hotel-marseilles-2689-2693.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Only Five Short Blocks*By Frederick Van Ryn*¹⁵

I was 25, broke and hungry. I had been broke and hungry before, in Constantinople, Paris, Rome, but it is particularly humiliating to be jobless in New York where the very air is charged with success and conquest.

I didn't know what I was going to do; there wasn't much I could do. I thought I could write but I didn't know how to write in English. I spent my days walking, not for exercise but to keep out of my landlady's way.

One day on 42nd Street I bumped into a blond giant of a man. I recognized him at once: Feodor Chaliapin, the great Russian singer. As a boy I used to stand hours in line at Moscow's Imperial Opera House to get a gallery seat to one of his performances. Later, while working in a newspaper in Paris I had interviewed him. I didn't expect he would remember me but he did.

"Very busy?" he asked. I mumbled something. He must have guessed my state of mind. "Let's walk up to my hotel at 103rd and Broadway," he said. Walk! It was noon and I had been walking steadily for five hours.

"But, Mr. Chaliapin, that's 60 blocks from here –"

He cut me short. "You are crazy – it's only five short blocks."

"Five blocks?" I gasped.

"Yes," he said. "Not to my hotel, to be sure, but to a shooting gallery on Sixth Avenue."

This made no sense, but I followed him meekly. Soon we stopped in front of the shooting gallery. We watched a couple of sailors miss the bull's-eye a great many times, then continued on our way.

Илл. 3. Ф. Шаляпин. 1922 г.
Из архива Эст<онского>
Театр<ального> Общ<ества>

¹⁵ "Frederick Van Ryn, pen name of Voldemar Vetluguin, associate editor of *Redbook*, is a prolific writer of serials, short stories and articles for the magazines. He collaborated with the late Grand Duke Alexander of Russia on the best-selling *Once a Grand Duke* and *Always a Grand Duke*."

“Now,” announced Chaliapin, “It’s only 11 blocks.”

I shook my head. Before long we arrived at Carnegie Hall. Chaliapin said he liked to study the faces of the people who were buying tickets for a Philharmonic matinee. After a few minutes we were off again.

“And now,” said Chaliapin joyfully, “We are within eight blocks of the Central Park Zoo. There’s a gorilla that looks like a tenor I know.”

We paid our respects to the gorilla. About a dozen blocks later, back on Broadway, we stood in, front of a delicatessen store. In the window it was displayed a barrel of dill pickles. Chaliapin’s doctor did not let him eat pickles so he merely stared. “A beautiful sight!” he exclaimed. “It reminds me of my youth.”

I should have been half dead by this time but to my surprise I felt better than I had in days. When we finally reached Chaliapin’s hotel (after having paused to admire the array of fruit in a market at 90th Street and a newly painted subway station at 96th Street) Chaliapin laughed contentedly. “It didn’t take long, did it? Now let’s have lunch.”

Over a satisfying meal my host confessed why he made me walk those 60 blocks. “You’ll never forget this walk,” the great man explained gravely. “It was a lesson in the art of living. Never worry about the distance between you and your goal. Always concentrate on what is within five short blocks from you. Don’t let the faraway future bother you. Always think of the joys, no matter how small, awaiting you in the next 24 hours.”

Nineteen years passed. Chaliapin is gone and so are most of the landmarks that stood along that well-remembered trek. But in those years, Chaliapin’s practical philosophy has come to my rescue many times.

It helped me when I set out to master English. I never said to myself, “It will be years before I can write in that strange language.” I said instead, “Today there were 28 words on the editorial page of *The New York Times* that I didn’t know. Tomorrow there won’t be more than 20.”

It kept me going when, because of mistake made my business associates, I was obliged to assign to creditors one half of what I expected to make in the following four years. Had I admitted to myself that for 208 weeks I would be deprived of all comforts, chances are I would have lost courage and not made a cent. But I merely said, “On Mondays, Wednesdays and Fridays I will work for the creditors; on other days, for myself.”

Somehow that made a world of difference. The creditors got paid in full and I accomplished enough to afford a few comforts.

Anyone can benefit by the rule of “only five short blocks.” While it may take a long time to reach your goal, it’s only 5 short blocks to your counterpart of Chaliapin’s shooting gallery on Sixth Avenue – and by similar easy stages you will not only arrive at your destination but enjoy many interesting things along the way.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Н. 2013. Биографический дискурс: Акт общения, отображение реальности и изъятие себя (заметки об «эстафете памяти»). – Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное 2003–2012. СПб.: НИЦ «Мемориал». С. 351–384.
- Белобровцева И. 2002. Лицо не в фокусе (К проблеме одного прототипа). – Toronto Slavic Quarterly. Vol. 2. s. p. [URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml>]
- Дон-Аминадо 1994. Наша маленькая жизнь. М.: Терра.
- Летопись 1984. Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина: В 2-х кн. Кн. I. Л.: Музыка.
- Толстая Е. Д. 2006. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917 – 1923). М.: РГГУ.
- Толстой А. Н. 1931. Черное золото. – Новый мир. № 1. С. 5–15; № 2. С. 42–53; № 3. С. 64–74; № 4. С. 64–76; № 5. С. 62–77; № 6. С. 53–65; № 7. С. 106–121; № 8. С. 90–107; № 9. С. 63–74; № 10. С. 92–102; № 11. С. 42–52; № 12. С. 71–104.
- Толстой А. Н. 1958. Мираж. – Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 3. М.: ГИХЛ. С. 386–394.
- Толстой А. Н. 1958. Эмигранты. – Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 4. М.: ГИХЛ. С. 225–515.
- Устинов А. 2016. Биография как сюжет: «Американская мечта» А. Ветлугина. – Сюжетология и сюжетография. № 2. С. 224–239.
- Johnson, O. 1916. The Woman Gives: A Story of Regeneration. Boston: Little, Brown, and Company.
- Niven, P. 1991. Carl Sandburg: A Biography. New York: Charles Scribner’s Sons; Macmillan Publishing Co.

- Van Ryn, F. 1941. Only Five Short Blocks. – The Reader's Digest. Vol. 39. No. 232-236 (August-December). P. 65-67.
- Van Ryn, F. 1953. Carl Sandburg Speaking: "I See Great Days Ahead". – This Week. 1953. No. 1. January, 4. P. 7, 16.

REFERENCES

- Alekseev, A. N. "Biograficheskii diskurs: Akt obshcheniia, otobrazhenie real'nosti i iz"iavlennie sebii (zametki ob 'estafete pamiati')." In *Pravo na imia: Biografika 20 veka. Chteniia pamiati Veniamina Iofe. Izbrannoe 2003–2012*, 351–84. Saint Petersburg: NITs "Memorial," 2013.
- Belobrovtsseva, I. "Litso ne v fokuse (K probleme odnogo prototipa)." – Toronto Slavic Quarterly 2 (2002): s. p. Accessed December 10, 2022. <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml>
- Don-Aminado. *Nasha malen'kaia zhizn'*. Moscow: Terra, 1994
- Johnson, O. *The Woman Gives: A story of Regeneration*. Boston: Little, Brown, and Company, 1916.
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. I. Shaliapina*. 2 vols. Vol. 1. Leningrad: Muzyka, 1984.
- Niven, P. *Carl Sandburg: A Biography*. New York: Charles Scribner's Sons; Macmillan Publishing Co., 1991.
- Tolstaia, E. D. *Degot' ili med: Aleksei N. Tolstoi kak neizvestnyi pisatel' (1917–1923)*. Moscow: RGGU, 2006.
- Tolstoi, A. N. *Chernoie zoloto. Novyi mir* 1–12 (1931): 5–15, 42–53, 64–74, 64–76, 62–77, 53–65, 106–21, 90–107, 63–74, 92–102, 42–52, 71–104.
- . "Mirazh." In *Sobranie sochinenii*, by A. N. Tolstoi. 10 vols. Vol. 3, 386–94. Moscow: GIKhL, 1958.
- . *Emigranty*. In *Sobranie sochinenii*, by A. N. Tolstoi. 10 vols. Vol. 4, 225–515. Moscow: GIKhL, 1958.
- Ustinov, A. "Biografiia kak siuzhet: 'Amerikanskaia mechta' A. Vetlugina." *Siuzhetologiiia i siuzhetografiia* 2 (2016): 224–39.
- Van Ryn, F. "Only Five Short Blocks." *The Reader's Digest* 39, no. 232–236 (August–December 1941): 65–67.
- . "Carl Sandburg Speaking: 'I See Great Days Ahead'." *This Week* 1 (January 4, 1953): 7, 16.